

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2024 Том 29, №4

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2024

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2024 Vol. 29, №4

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

**Publishing house
of Altai State University
2024**

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2024 Том 29, № 4

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Дьякова О. В.</i> Классификация и хронология северо-западной группы мохэских памятников бассейна Раздольной в Южном Приморье.....	7
<i>Кожевникова Д. В.</i> Проблема функционального назначения костяных «игольников» на примере трубчатых костей лебедя из погребения № 12 Серовского могильника (неолит, Прибайкалье, раскопки А. П. Окладникова)	24
<i>Колобова К. А., Харевич А. В. Бочарова Е. Н., Павленок Г. Д., Жданов Р. К., Кривошапкин А. И., Мухтаров Г. А., Худжагелдиев Т. У.</i> Кареноидная технология в верхнем палеолите запада Центральной Азии: конвергентное развитие или трансфер культурных традиций.....	41
<i>Григорьев С. А.</i> Природные катастрофы как маркеры хронологии китайских династий и возможности для связи с хронологией Евразии в бронзовом веке	58
<i>Цыбиктаров А. В.</i> Плиточные могилы и херексуры могильника Старая Капчеранка I в свете относительной и абсолютной хронологии памятников культуры плиточных могил и культуры херексуров	79

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Курбанова З. И.</i> Текстильные традиции каракалпаков: курак и жыртыс в семейных обрядах.....	107
<i>Зинченко А. В.</i> Формирование чайного комплекса «Семь ритуалов» и система наставничества в японской чайной школе Омотэ-сэнкэ	125
<i>Ожередов Ю. И.</i> Палеоселькупы шиешгула и селькупы шёшкуп. Аспекты погребальных церемоний по данным археологии и этнографии.....	141
<i>Щеглова Т. К.</i> Коммуникация депортированных немцев и власти в поисках гражданского согласия и этнической идентичности в 1950–1970-е гг.	164

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Забияко А. П., Ван Цзюньчжэн.</i> Буддизм в государстве Цзинь: границы распространения буддизма на территориях чжурчжэней (в бассейне Амура).....	188
<i>Дашковский П. К., Бичелдей У. П., Монгуш А. В.</i> Положение буддийских общин в Туве в системе государственно-конфессиональных отношений СССР в середине 1950-х гг.	211
<i>Долин В. А.</i> Критика экономических привилегий Грузинской православной церкви в дискурсе либерализации государственно-конфессиональных отношений в Грузии	234

ДЛЯ АВТОРОВ	251
--------------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2024 Vol. 29, № 4

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Dyakova O. V.</i> Classification and chronology of the northwestern group of Mohei monuments of the Razdolnaya basin in Southern Primorye	7
<i>Kozhevnikova D. V.</i> The problem of functional determination of bone “needle cases” — case of swan long bones from the grave no. 12 in the Serovsky burial (Neolithic, Cis-baikal, excavations by A. P. Okladnikov).....	24
<i>Kolobova K. A., Kharevich A. V., Bocharova E. N., Pavlenok G. D., Zhdanov R. K., Krivoshapkin A. I., Muhtorov G. A., Khudzhageldiev T. U.</i> Carinated technology in the upper palaeolithic of west Central Asia: convergent evolution or cultural transfer	41
<i>Grigoriev S. A.</i> Natural disasters as benchmarks of the chinese dynasties chronology and opportunities for connection with the chronology of Eurasia in the bronze age	58
<i>Tsibiktarov A. D.</i> Slab graves and kherekshures of the staraya kapcheranka i burial ground in light of the relative and absolute chronology of the monuments of the slab grave culture and kherekshur culture.....	79

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Kurbanova Z. I.</i> Textile traditions of Karakalpaks: quraq and zhyrtys in family rites.....	107
<i>Zinchenko A. V.</i> The formation of the “Seven Rituals” tea complex and the mentorship system in the Japanese tea school Omotesenke	125
<i>Ozheredov Yu. I.</i> Paleoselkupy “shieshgula” and selkup shoshkup. Aspects of funeral ceremonies according to archeology and ethnography.....	141
<i>Shcheglova T. K.</i> Communication of german deportees and authorities in pursuit of civil consent and ethnic identity in the years 1950–70-ths	164

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS FOR AUTHORS

<i>Zabiyako A. P., Wang Junzheng.</i> Buddhism in the Jin Empire: the boundaries of the spread of Buddhism in the jurchen territories (in the Amur River basin).....	188
<i>Dashkovskiy P. K., Bicheldey U. P., Mongush A. V.</i> The position of Buddhist communities in Tuva in the system of state-confessional relations of the USSR in the mid-1950s.	211
<i>Dolin V. A.</i> Criticism of the economic privileges of the Georgian orthodox church in the discourse of liberalization of state-confessional relations in Georgia.....	234
FOR AUTHORS	251

УДК 39 (571.651)

DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–08

Ю. И. Ожередов

Чукотский филиал Северо-Восточного федерального университета
им. М. К. Аммосова, Анадырь (Россия)

ПАЛЕОСЕЛЬКУПЫ ШИЕШГУЛА И СЕЛЬКУПЫ ШЁШКУП: АСПЕКТЫ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ЦЕРЕМОНИЙ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

В исследовании обобщены некоторые репрезентативные выводы изучения погребальных ритуалов диалектно-локальной группы палеоселькупов «*шиешгула*». Наблюдения, сделанные этнологами на поздних материалах, во многом подтвердились в ходе археологических исследований, послуживших источником для настоящей работы. В некрополях Барклай, Кустовский, Сухая речка и других изучены элементы погребально-поминальных церемоний, характеризующих мировоззрение данного социума. Выявлены курганные и грунтовые захоронения по способу ингумации и кремации в рамках обкладках, долбленых лодках и колодах, в дощатых ящиках и гробах, впущенных в насыпи, формировавшиеся ярусами на протяжении XIII–XIX вв. н. э. Отмечен священный столб и сакральные камни, посмертные «маски» и ритуальные стрелы, приношения тел животных и эксгумация человека. Сравнительный анализ показал, что материалы раскопок не только подтверждают сведения этнологов, но дают целый ряд элементов, уже утраченных в памяти людей. Комплексный подход позволил выявить ранее неизвестные детали мировоззрения сибирских культур и этносов, имевших прямые и опосредованные контакты с народами окружающего мира. Полученные результаты открыли новые возможности для изучения культурно-этнических процессов и духовной сферы обитателей таёжной зоны континента.

Ключевые слова: погребальный обряд средневековых самодийцев палеоселькупов «*шиешгула*», лодка, колода, столб, береза, камни, жертвы в могилах, эскарнация.

Для цитирования

Ожередов Ю. И. Палеоселькупы шиешгула и селькупы шёшкуп: аспекты погребальных церемоний по данным археологии и этнографии // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29, № 4. С. 141–163. DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–08.

Y. I. Ozheredov

Chukotka Branch of the North-Eastern Federal University. M. K. Ammosov. Anadir (Russia)

PALEOSELKUPS SHIESHGULA AND SELKUPS SHYOSHKUP: ASPECTS OF FUNERARY CEREMONIES ACCORDING TO ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

The study summarizes some representative conclusions of the study of the funeral rituals of the dialect-local group of paleoselkups “Shieshgula.” The observations made by ethnologists on subsequent materials were largely confirmed during archaeological research, which served as a source for this work. In the necropolises of Barclay, Kustovsky, Sukhaya Rechka, and others, elements of funeral and memorial ceremonies characterizing the worldview of this society have been studied. Mound and soil burials were identified by the method of inhumation and cremation in lining frames, hollowed boats, and decks, in boardwalk boxes and coffins let into embankments, formed in tiers throughout the 13–19th centuries. A sacred pillar and sacred stones, posthumous “masks” and ritual arrows, offerings of animal bodies and human exhumation were noted. A comparative analysis showed that the excavation materials not only confirm the information of ethnologists, but also give a number of elements already lost in the memory of people. An integrated approach made it possible to identify previously unknown details of the worldview of Siberian cultures and ethnic groups that had direct and indirect contacts with the peoples of the surrounding world. The results opened up new opportunities for studying the cultural and ethnic processes and the spiritual sphere of the inhabitants of the taiga zone of the continent.

Keywords: Burial rite of medieval samodians of paleoselkups “shieshgula,” boat, deck, pillar, birch, stones, victims in graves, exhumation

---

For citation:

*Ozheredov Yu. I. Paleoselkups shieshgula and selkup shoshkup: aspects of funeral ceremonies according to archeology and ethnography. *Peoples and religions of Eurasia*. 2024. T. 29, № 4. P. 141–163 (in Russian). DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–08.*

Ожередов Юрий Иванович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Чукотского филиала Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. **Адрес для контактов:** nohoister@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-4849-0745>

Ozheredov Yuri Ivanovich, candidate of historical sciences, researcher at the Chukotka Branch of the North-Eastern Federal University. M. K. Ammosov. **Contact address:** nohoister@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-4849-0745>

Введение

Почти за столетний период исследований селькупов и их предков собран крупный корпус артефактов, касающихся самых разных аспектов погребальной практики. Одновременно накоплены плоды человеческого мышления, названные американским этнологом Виктором Тэрнером *ментифакты*. Собранные материальные (вещные) и нематериальные (мыслительные) продукты демонстрируют целый спектр погребальных и поминальных действий палеоселькупов и их приемников — исторических селькупов.

Настоящее исследование явилось прямым продолжением публикации, посвященной форме и хронологии погребальных сооружений «*шиешгула*» [Ожередов, 2023: 125–133]. Целью настоящей работы является стремление показать археологически выявленные следы отдельных церемоний на кладбище до похорон, в момент погребения и после него.

Материалы и методы исследования

Источником исследования послужили материалы стационарно изученных автором некрополей Барклай, на реке Чая (левый приток Оби), Кустовский и Сухая Речка на реке Кёнга (приток Парабели). В работе использованы коллекции П. И. Кутафьева с реки Кёнга, опубликованные материалы некрополей Тискинский, Тяголовский, Мысовской, Пачанга [Боброва, 1990; 2001: 161–162]. В работе использованы методы сортировки и классификации материалов, сравнительного исторического анализа и семиотические изыскания. Вещные источники дополняют ментифакты, полученные в ходе кабинетных исследований. Для уяснения некоторых преимущественно общих вопросов, касающихся средневековых кладбищ и погребальных сооружений, имеются краткие обращения к выводам из предыдущих исследований.

Краткие сведения о формах погребального обряда

По археологическим и этнографическим наблюдениям захоронения палеоселькупов и селькупов разделялись на грунтовые и курганные. В первом случае хоронили в ямах, в другом — в насыпях. А. П. Дульзон в свое время уделил особое внимание форме курганов (круглые, овальные, удлинённые и др.) [Дульзон, 1955: 101]. Однако классификация на основе форм, отмеченных до раскопок, не может быть точна, так как насыпи возникали не одноактно, как, к примеру, классические скифские курганы, а формировались из набросок над отдельными наземными захоронениями, располагавшимися послойно. Грунт для них брали вдоль внешнего контура родовой территории, оставляя ямы, охватывающие подножие кургана прерывистыми цепочками или сплошными ровиками.

После заполнения поверхности по насыпям первого ряда устанавливались новые погребениями, образуя второй и так до трех слоев, выявленных в могильниках Барклай и Кустовский (в Тискинском некрополе высота насыпей достигала трех метров) [Боброва, 2001: 162]. Краевед князь Н. Костров записал со слов информанта: «Прежде у отцов наших был обычай погребать мертвых на поверхности земли. Покойника клали в гроб, с ним вместе клали еще кое-что — одежду, лук, стрелы топор, нож, ложку, котел и т.д. На все это наваливали земляной холм... А так как гробы... ставились не рядом, а один над другим, то холм мало-помалу возрастал до необыкновенной высоты» (цит. по: [Чиндина, 1977: 136]). Раскопки показали, что изначальные контуры площадок круглые, но со временем, при слиянии насыпей, последние приобретали непредсказуемые очертания.

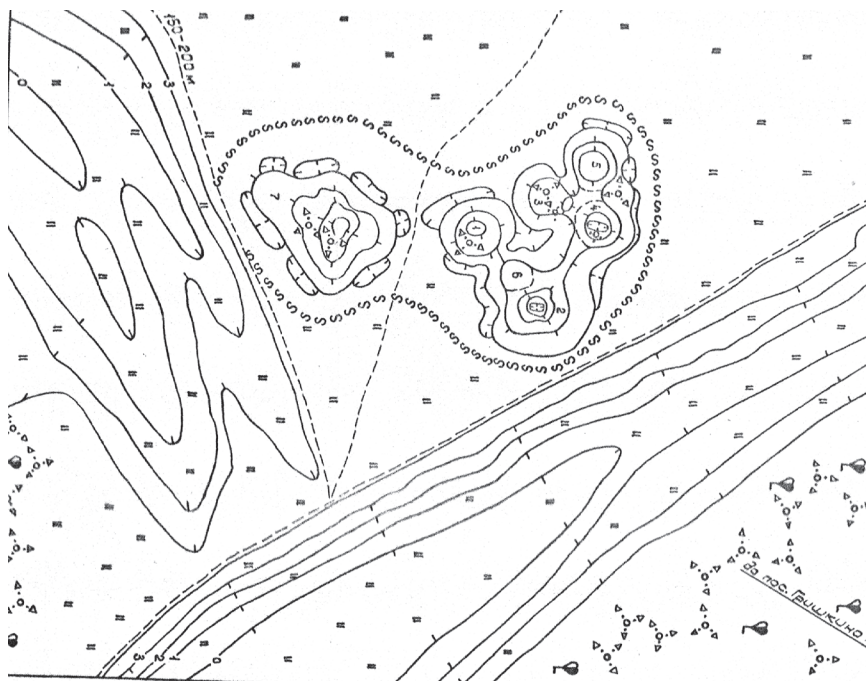

Рис. 1. Ситуационный план могильника Барклай на реке Чая
 Fig. 1. Situation plan of Barclay burial ground on the river Chaya

Рис. 2. Могильник Барклай. Курган 7 до начала раскопок. Фото Ю. И. Ожередова
 Fig. 2. Barclay burial ground. Mound 7 prior to excavation. Photo by Yu. I. Ozheredov

Захоронения по способу ингумации (труположения) отличаются многообразием конструкций, менявшихся в соответствии со временем возведения. Наиболее древние варианты (XIII–XIV вв.) представляли собой дощатые ящики. На смену пришли бревенчатые рамы-обкладки, параллельно с ними применяли колоды и долбленные лодки-обласки [Ожередов, 2023а].

Рис. 3. Могильник Барклай. Курган 7 после вскрытия верхних горизонтов.

Фото Ю. И. Ожередова

Fig. 3. Barclay burial ground. Mound 7 after opening the upper horizons. Photo by Yu. I. Ozheredov

Рис. 4. Захоронение по способу ингумации на поверхности. Могильник Барклай, курган 6, погребение 1. Фото Ю. И. Ожередова

Fig. 4. Burial by the method of inhumation on the surface. Burial ground Barclay, mound 6, burial 1.

Photo Yu. I. Ozheredova

Рис. 5. Захоронение в бревенчатой раме-обкладке. Торцовые стены из вертикально вкопанных жердей. Могильник Барклай. Курган 2, погребение 49. Фото Ю. И. Ожередова

Fig. 5. Burial in a log frame lining. End walls of vertically dug poles. Barclay burial ground. Mound 2, interment 49. Photo by Yu. I. Ozheredov

Рис. 6. Захоронение в колоде, установленной в бревенчатой раме-обкладке. Могильник Барклай. Курган, 4, погребение 52. Фото Ю. И. Ожередова

Fig. 6. Burial in a deck installed in a log frame lining. Barclay burial ground. Mound, 4, burial 52. Photo by Yu. I. Ozheredova

Рис. 7. Захоронение в лодке «ронтык». Абрис лодки после выборки по днищу. В ногах керамический горшок и топор-тесло. Кустовский могильник, курган 13А. Фото Ю. И. Ожередова

Fig. 7. Burial in the boat «rontyk.» Outline of the boat after sampling along the bottom. The legs have a ceramic pot and an ax adze. Kustovsky burial ground, 13A mound.
Photo by Yu. I. Ozheredov

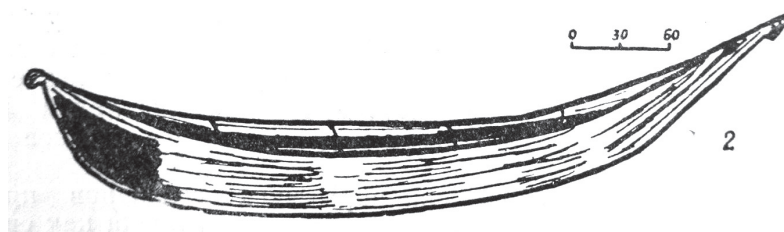

Рис. 8. Лодка нарымских селькупов ронтык [Лукина, 1966: 115, рис. 3.-2]

Fig. 8. The boat of the Narym Selkups rontyk [Lukina, 1966:115, Fig. 3.-2]

В XIX в. в многослойную насыпь «впускали» новые захоронения по христианскому обряду (в ямах), нарушая предшествующие (языческие) могилы. Вынутый грунт приводил к дополнительной деформации контура кургана. Еще одним новшеством стало появление на насыпях бревенчатых оградок, вероятно, в подражание могилам по «русскому» образцу. Внутри оград ставили ящики с умершими, иногда в два слоя один на другой. Через какое-то время их засыпали землей. К середине столетия прямоугольные ящики сменили христианские зауженные внизу гробы, в которых хоронили преимущественно малолетних детей [Ожередов, 2023а: 128].

Рис. 9. Захоронение в дощатом ящике, установленном в бревенчатую ограду. Могильник Барклай. Курган 6, погребение 25. Фото Ю. И. Ожередова
 Fig. 9. Burial in a board box installed in a log fence. Barclay burial ground. Mound 6, interment 25. Photo by Yu. I. Ozheredov

Рис. 10. Могильник Барклай. Курган 5, погребение 12. Захоронение в дощатом ящике на поверхности насыпи по православному обряду. Справа у таза пояс, расшитый бисером, сложенный в несколько слоев. Начало — середина XIX в. Фото Ю. И. Ожередова
 Fig. 10. Barclay burial ground. Mound 5, interment 12. Burial in a boardwalk on the surface of the embankment according to the Orthodox rite. On the right side of the pelvis is a beaded belt, folded in several layers. Beginning-middle of the XIX century. Photo by Yu. I. Ozheredov

Погребальные церемонии

Полномасштабный погребальный обряд включал три цикла: 1) до погребения; 2) погребальные; 3) постпогребальные. Л.А. Чиндина отметила: «...те обрядовые действия, которые проводились до и после предания умершего земле, по археологическим данным прослежены быть не могут» [Чиндина, 1975: 76]. Полностью археология фик-

сирует лишь второй цикл, направленный на удаление умершего из мира живых в буквальном и символическом смысле. Для физического устранения тела покойного па-леоселькупы (и селькупы) использовали ингумацию и частичную кремацию на месте захоронения. Первая прошла через всю историю этноса, вторая отмечена реже, главным образом в XVI–XVII вв. Здесь она перемежается с ингумацией, практически не отличаясь от нее формой.

В зависимости от задачи (полное или частичное сожжение на месте захоронения) костер разжигался на груди умершего или по всему телу уложенного, как при ингумации, в вытянутом положении на спине. Руки обычно вытянуты вдоль тела, иногда кисти рук внизу живота, изредка нижние конечности связаны. По сведениям В. Н. Чернецова, обские угры связывали ноги умерших в целях изоляции души-тени [Чернецов, 1959: 123] (чтобы «не ходила», не тревожила живых). Останки тела со связанными ногами были расчищены в некрополе Барклай (погребение № 15). Далее костер забрасывали землей, не давая телу прогореть целиком, поэтому костяк обычно сохранял анатомический порядок [Чиндина, 1977: 137; Ураев, 1994: 83].

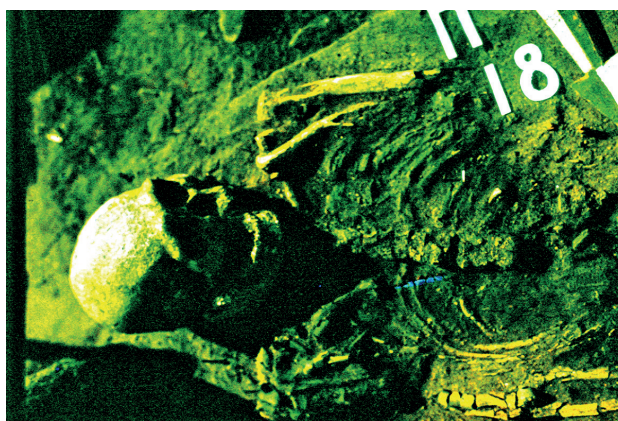

Рис. 11. Частичная кремация на месте погребения. Могильник Барклай. Курган 5, погребение 18. Фото Ю. И. Ожередова

Fig. 11. Partial cremation at the burial site. Barclay burial ground. Mound 5, interment 18. Photo by Yu. I. Ozheredov

Площадки под захоронения «очищались» огнем разной мощности (обжигание или окуривание). Иногда кремации проводили на насыпных платформах, возвышающихся над древней дневной поверхностью (в некрополе Барклай мощность достигала 10 см). По мнению А. П. Дульзона, огонь в погребальной практике селькупов заимствован от чумских тюрков [Дульзон, 1957: 414]. Однако аналогичные процедуры имели место уже в могильнике Рёлка эпохи раннего Средневековья, что объясняется влиянием древних тюрков [Чиндина, 1977: 92–93].

Церемонии в Барклае, Тискинском и других некрополях разделяются на две условные группы: вне погребений и в погребениях. В первой случае это бревенчатые ограды, огораживавшие родовые (семейные) участки, в чем убеждают и факты с сопредель-

ных территорий. К примеру, «ограды семейных некрополей и рядность могил найдены в «длинных курганах» Прииртышья», ассоциированных с кимаками сростинской культуры [Арсланова, 1987: 61–67].

Важными элементами погребального ритуала первой группы являлись церемониальные столбы, установленные в ногах погребенных.

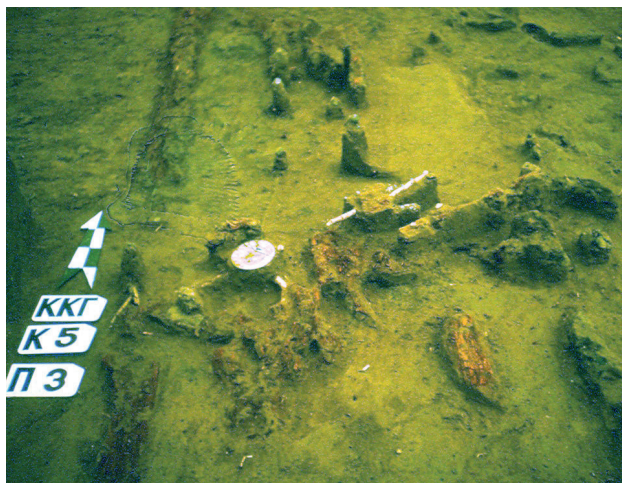

Рис. 12. Остатки упавшего ритуального столба с накладными березовыми ветвями (имитация сакрального дерева). В центре оловянная тарелка с граффити. Кустовский могильник. Курган 5, подножие погребения 3. Фото Ю. И. Ожередова

Fig. 12. The remains of a fallen ritual pillar with overhead birch branches (imitation of a sacred tree). In the center is a tin plate with graffiti. Kustovsky burial ground. Mound 5, foot of burial 3. Photo by Yu. I. Ozheredov

Рис. 13. Оловянная тарелка на сосне. Священное место шамана Гаврлы Калина. Северные селькупы, р. Таз (по: [Пелих, 1980, рис. 1])

Fig. 13. Tinplate on pine. Sacred place of shaman G. Kalin. Northern Selkups, r. Taz (according to: [Pelikh, 1980, Fig. 1])

По этнографическим данным, столбы служили имитациями священных деревьев, мифическими «лестницами» в верхний мир и сакральными предшественниками православных крестов и обелисков новейшего времени [Бауло, 1980: 168; Степанова, 2015: 164]. В отношении северных селькупов, предки которых вышли из Нарымского Приобья, О. Б. Степанова писала: «...самая интересная, на мой взгляд, и важная деталь... — дерево с прикладами, которое устанавливают в ногах могилы. Чаще всего это дерево — береза ... Установка дерева на могиле — характерная особенность захоронений среднетазовских селькупов» [Степанова, 2015: 153–156]. По форме ритуальные столбы могли отличаться, сохраняя при этом осмысление в качестве знакового дерева. У северных селькупов нередкость плоские надмогильные столбы с резными имитациями ветвей [Бауло, 1980: рис. 6; Пелих, 1972б: табл. XXX; Степанова, 2015: 159]. И что любопытно, «...надмогильный памятник — это изображение человека, идол...» [Степанова, 2015: 154–156, 158]. С этим утвердилась мысль о дереве — символическом первопредке.

У нарымских селькупов такие сооружения не отличались разнообразием и крайне редки. Единственный научно зафиксированный образец расчищен в кургане 6 Кустовского могильника, где в верхнем горизонте обнаружено четыре погребения, в ногах которых стоял вкопанный в насыпь столб хвойной породы, увенчанный искусственной кроной из березовых ветвей, на которых крепились приношения [Ожередов, 2017: 212–216]. Внешне это полная параллель с «намогильным деревом» среднетазовских селькупов, ставивших священное дерево в виде березы.

Среди приношений в кроне привлекает внимание тарелка фабричной работы, изготовленная из оловянного сплава. У края круглое отверстие для подвешивания, а на наружной стороне бортика кустарная гравировка композиции, именуемой в угорском орнаменте «заячьи уши». На других участках царапины не выстраиваются в систему. Похожая тарелка с английским клеймом XVII–XVIII вв. обнаружена в могильнике Бедеревский Бор-2 (река Тым) [Боброва, Максимова, Торощина, 2002: 106, 113]. Похоже, что она висела на ритуальном дереве вблизи могилы [Ожередов, 2017: 3, 4]. В селькупской этнографии известно несколько сакральных оловянных тарелок. Одна из них была подвешена на сосну на священном месте шамана Гаврилы Калина (северные селькупы). Кроме нее, «...у подножия сосны лежали еще 2 тарелки (оловянная и медная) ... Информаторы считали их изображениями двух солнц: нижнего мира — оловянную и верхнего — медную». По селькупским поверьям тарелки на деревьях символизировали солнце или луну [Пелих, 1980: 6, 7, рис. 1]. Тарелки у могил, определенно, осмысливались знаками нижнего мира, покровителем которого почиталась луна (месяц), а ее символом — диск (тарелка) из «белого» металла (серебро, олово).

Церемонии в захоронениях

Ритуальные действия непосредственно в погребениях условно можно разделить на ряд категорий. Прежде всего это процедуры, связанные с устройством погребений. Помимо воздействия огнем, на дно погребения помещались подстилки из березовой коры или листвы. Первые были встречены повсеместно в могильниках Кустовский, Сухая Речка, Барклай, Тискинский, где они укладывались в погребения вне зависимости от пола и возраста умерших (в курганах 1 и 5 Барклая зафиксировано около 30 таких случаев). Иногда выделанную бересту стелили на деревянное днище погребения (Бар-

клай, п. 68), а колоды, гробы и ящики целиком оборачивали в берестяную тиску (Барклай, п. 71, 74; К. 7. П. 2). Часто на берестяное полотнище укладывали долевые стенки рам-выкладок (Барклай. К. 7, п. 14). По сведениям С. К. Кузнецова, в Томском могильнике для магической изоляции земли применяли березовые ветки [Бояршинова, 1948: 158, 160]. То же самое обнаружено в Барклае. Причиной тому стало метафизическое осмысление березы аборигенами Приобья, где это дерево почиталась апотропеем, защитой от потусторонних сил [Селькупская..., 1998: 13].

Другим магическим защитным средством стали камни или обломки керамических сосудов [Пелих, 1972б: 67]. В мифологии селькупов имеется нарратив, в котором камень мог стать причиной смерти человека. В другом тексте сообщается о сакральных табуированных камнях [Селькупская мифология, 1998: 38–39, 49]. Соседи селькупов ханты полагали, что «мертвые боятся камней» [Карьялайнен, 1994: 81, 96, 98, 113, 126]. Обские угры клали в могилы камни в целях изоляции души-тени [Чернецов, 1959: 123]. Речные гальки в Барклае и Кустовском могильнике встречены в погребениях и у насыпей (5 и 8). А в кургане 1 могильника Сухая Речка обломок галечника найден в групповом захоронении.

В Басандайском могильнике отмечено, что трупосожжения совершались не только на бересте, но и на камнях. В свою очередь северные селькупы при захоронении в лодке ставили ее на подставки из толстых плах [Прокофьева, 1977: 70–71, рис. 1], а под одной из лодок в Кустовском могильнике стояли обугленные поперечные бруски [Ожередов, 2023: 87]. Традиция изоляции земли от воздействия символически «нечистых» мертвых тел умерших восходят к культурам Древнего Востока и арийского мира, застилавших дно могил циновками и мелким камнем [Антонова, 1990: 83; Авеста, 1998: 98, Смирнов, 1997: 130].

Следующая категория церемоний касалась непосредственно тел умерших. Формально их можно разделить на две группы: 1) те, которые не вели к нарушениям (изменениям); 2) другие, приводившие к таким последствиям. К первой категории следует отнести захоронения с предметами, наделенными особым символическим смыслом.

При исследовании могильников Барклай и Кустовский обнаружено восемь (соответственно 7 и 1) ритуальных наконечников стрел, изготовленных из медных сплавов [Ожередов, 1999: 79, рис. 1]. Еще по одному медному наконечнику было найдено в Тяголовском [Боброва, 2009: 135–238] и Чарымовском могильниках (устное сообщение А. И. Бобровой). Схожие по материалу находки известны с территории Новосибирского и Сургутского Приобья, но особенно много у обских угров [Ожередов, 1999: 83–84; Кардаш, Визгалов, Кениг, 2018: 109, 111, 136].

Из этнографии известно, что каждый охотник манси имел в своем колчане стрелу с медным наконечником на случай встречи лесного духа. Только такая стрела может защитить от демонической силы.

С появлением огнестрельного оружия ее символическая функция передалась медной пуле [Каннисто, 1988: 58, 156]. Сходное поверье существовало у алтайцев, считавших, что средством против злого духа *женщины-алмысты* выступают войлок и медная пуля [Яданова, 2009: 180]. Однако и здесь пулям предшествовали стрелы. Подтверждением чему стали археологические находки на территориях, занятых во втором ты-

сячелетии тюркоязычными народами Обь-Иртышского междуречья [Молодин, Мыльников, 1980: 198, рис. 16, табл. X-6; Соловьев, 1998: 57–58]. Примечательно, что в погребениях медные наконечники обычно находят снаряженными на древки, в том виде, как они служили при жизни владельцев. Но имеется и исключение, свидетельствующее о способе хранения, отличном от указанного А. Каннисто. В могильнике Усть-Изес-I на севере Новосибирской области медные наконечники найдены в кожаном мешочке-кошеле [Соловьев, 1998: 57].

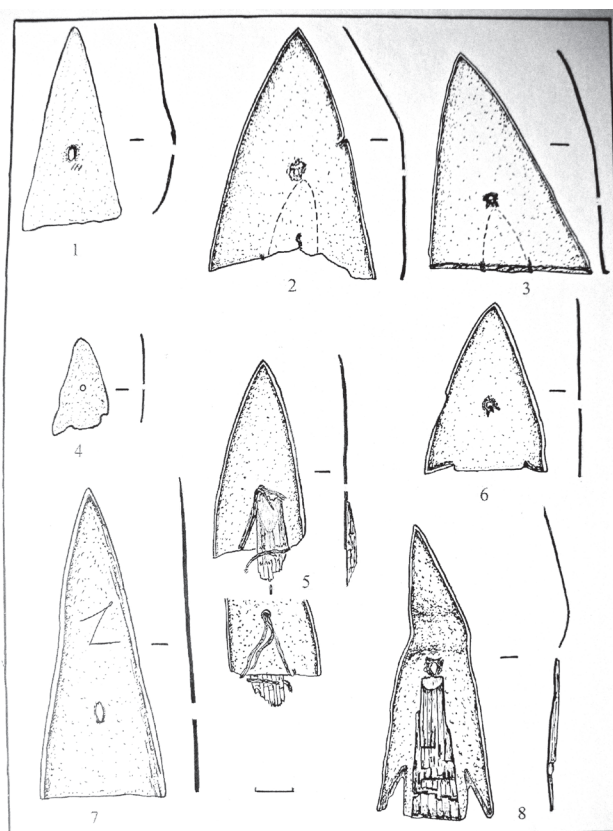

Рис. 14. Медные наконечники ритуальных стрел из некрополей Барклай (1–3, 5–7); Кустовский (8), Кустовского селища (4)

Fig. 14. Copper ritual arrow tips from Barclay necropolises (1–3, 5–7); Kustovsky (8), Kustovsky village (4)

Помимо бытования магических стрел в реальной жизни, археологические исследования показали их в загробной жизни праселькупского населения. В кургане 16 Кустовского некрополя найден медный наконечник с остатками деревянного древка, воткнутый в дно могилы у головы погребенного [Ожередов, 1999: 76, рис. 1.-6]. В литературе имеется несколько объяснений данного ритуала, но остановлюсь на наиболее отвечающем символическим воззрениям охотников тайги. Обычай втыкать оружие и другие

острые предметы в могилы обусловлен требованиями экзорцизма или охранительной магии, направленной на изоляцию инородных существ (здесь — духов умерших) с целью недопущения их в мир живых. В этом случае священные стрелы выступали апотропеями от происков потусторонних сил. Тем самым воткнутые в погребение стрелы магически ограждали пространство здравствующих людей.

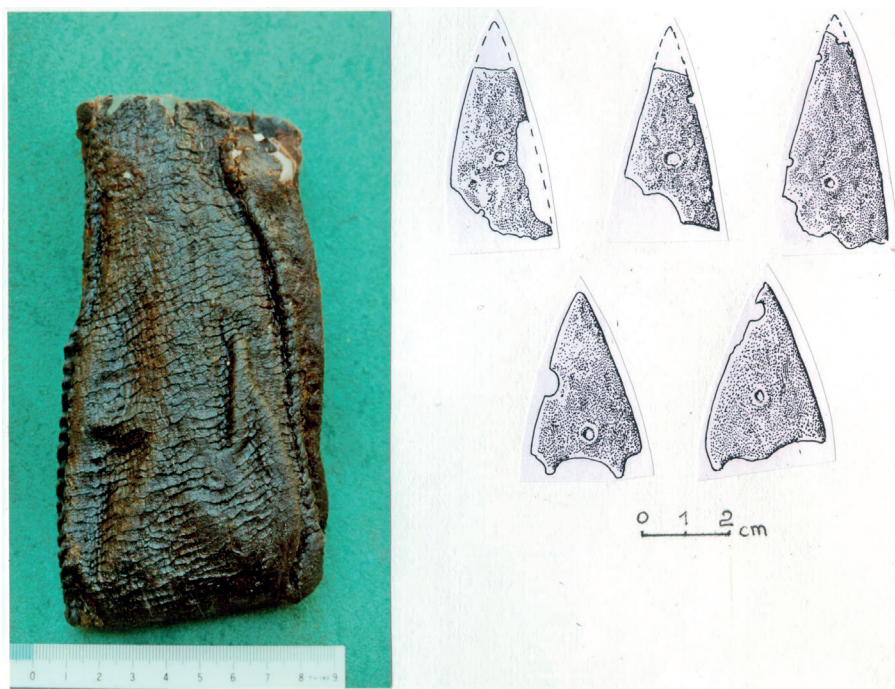

Рис. 15. Медные наконечники стрел и кошель для их хранения.

Курганный могильник Усть-Изес-1

Fig. 15. Copper arrowheads and a koshel to store them. Burial mound Ust-Izes-1

Самый ранний научно зафиксированный случай втыкания в могилы демонстрирует находка под названием «красная троица». Захоронение трех молодых людей было произведено 26000 лет назад близ чешского городка Дольни-Вестонице. Помимо глубокой древности особенностью захоронения стал следующий факт: «в гениталии одного из погребенных был воткнут кол, а в гениталии другого был всажен нож» [«Красная троица»]. В культурах Западной Сибири данная традиция нашла место в Ростовкинском некрополе эпохи бронзы, где в пяти могилах воткнули копья, кельты, ножи [Матющенко, Синицына, 1988: 66]. Другой случай втыкания стрел встречен в захоронении собаки скифского времени [Горбунов, 1996: 157].

Судя по этнографическим данным, действенным средством от воздействия загробных сил стали посмертные «маски» [Пелих, 1972б: 117, 180–181], представленные у разных культур и народов в разнообразии, варьирующемся от простых металлических накладок (монет, пуговиц) на глаза и рот, до сложных конструкций из нескольких мате-

риалов. В некрополях палеоселькупов (Барклай, Тискинский) изучены варианты, вероятно, тканевых лицевые масок с пластинками из медных сплавов [Ожередов, 2013: 161]. Бляшки и монеты у ротовой полости иногда интерпретируют в качестве обола Харона, плату за преодоление загробного водного пространства [Полеводов, Корусенко, 2008: 165]. Традиция оплаты перевоза возникла в Древнем Египте, но прослежена в широком хронологическом и территориальном диапазоне. К примеру, с I в. до н. э. и позже в бактрийском могильнике «в урочище Туп-хон около Гиссара» [Дьяконов, 1954: 333]. В селькупской практике известен случай нахождения в зубах умершего крестовидной оловянной нашивки [Ожередов, 2013: 163].

Категория церемоний с нарушением тела умершего зафиксирована в некрополе Барклай. В погребении 11 кургана 1, выполненном по обряду кремации, обнаружен фрагмент диафиза правой бедренной кости взрослого мужчины со следами декарнации. Судя по срезам, операция проведена в перимортальный период, сразу после смерти человека. Целью таких процедур ставилось удаление мягких тканей (подробнее см.: [Зайцева, Ожередов, 2005: 362–363]). Пока данный пример единственный научно зарегистрированный случай в «селькупской археологии».

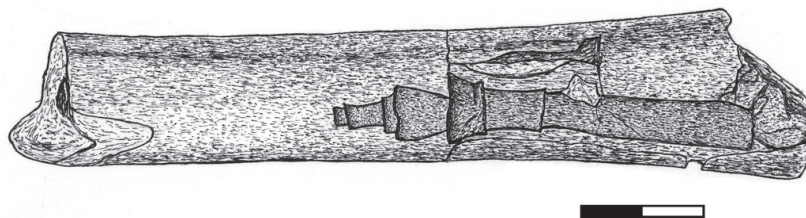

Рис. 16. Фрагмент диафиза взрослого мужчины со следами декарнации.

Курганный могильник Барклай. Курган 1, погребение 11

Fig. 16. Fragment of an adult male diaphysis with traces of decarnation.

arclay burial mound. K. 1. p. 11

Практика показывает множество случаев присутствия в курганах палеоселькупов остатков погребальных тризн и пищевых приношений умершим, служившим им во время перехода в загробный мир. Чаще всего встречаются остатки скелетов рыб. Крупное скопление костей (20x17x2 см) было найдено в ногах (слева) в погребении 68 кургана 2 могильника Барклай. Из костных остатков в погребениях преобладают кости и зубы млекопитающих: лошадь, корова, овца или коза. В нескольких случаях найдены части туш животных. В некрополе Барклай (курган 5, погребение 20) рядом с телом был уложен фрагмент туши барана или козы. Селькупская этнография не имеет комментариев на этот счет, но сходные факты выявлены у сибирских тюрков, заметно влиявших на обитателей тайги. В 1865 г. тюркских захоронениях на реке Катанда В.В. Радлов обнаружил позвоночники овец, уложенные покойникам на грудь. А в могилах Барабы им были найдены овечьи позвонки [Радлов, 1989: 445, 448, 453, 454]. Позже фрагменты тел и отдельные кости животных были встречены в «длинных курганах» Прииртышья [Арсланова, 1987: 61–67].

Захоронения людей с фрагментами тел баранов известны и в Хакасии. Так, в могильнике енисейских кыргызов Тепсей XI эпохи чаа-тас расчищены могилы с костяками баранов [Худяков, 1984: 47, 49, рис. 3]. М. П. Завитухина писала: «у хакасов передняя часть туши животного, особенно правая половина, подавалась почетному гостю и ее клали в могилу умершего старшего родственника или почитавшегося при жизни соплеменника» [Завитухина, 1979: 79]. Бурятская этнография хранит память о баране как о животном, «обладающем фарном (судьбой)» и как о «двойнике человека» [Батоева, Галданова, Николаева, Скрынникова, 2002: 99]. В период сутр существовал обычай обкладывания покойника частями тела животного: «...кладет сердце жертвенного животного на сердце покойника. На правую его руку — правое легкое, на левую — левое» [Смирнов, 1997: 129]. По древнеиндийским воззрениям обряд расценивается как символическая «попытка переправить покойного в иной мир в облике животного» [Пандей, 1990: 287].

Заключение

Обобщение итогов многолетних археологических исследований погребально-поминальной практики палеоселькупов Нарымского Приобья шиешгула позволило удостоверить выводы, сделанные этнологами на основе вербальных источников. Практически подтвердилось утверждение финского исследователя М. А. Кастрена, лингвиста А. П. Дульзона и этнолога Г. И. Пелих, впервые заговоривших о многокомпонентности культуры селькупов и их предшественников — палеоселькупов. Нашло объяснение разнобразие, обусловленное включениями из мировоззрения пришлых этносов и влияний, оказанных на народы тайги прямым или опосредованным способом со стороны кочевых степной зоны и передовых цивилизаций Востока и Запада Евразии.

В погребально-поминальную обрядность палеоселькупов, а затем исторических селькупов проникли похоронные идеи разных исторических периодов и человеческих сообществ. К примеру, захоронения в лодках и колодах обнаруживают корни в традициях Древнего Египта. Ритуальные столбы, имитирующие мировое древо, нашли место в церемониях Передней Азии и Древнего Китая. Захоронение с телом человека фрагментов туш домашних животных переняло от кочевых народов степной зоны скифо-сарматского и тюркских времен. Использование огня в погребальных церемониях пришло к сибирякам из Средней Азии через степных и лесных тюрков. С приходом русских в погребальные ритуалы автохтонов проникают христианские элементы.

Даже краткий перечень приведенных примеров демонстрирует синкретический характер форм и содержания палеоселькупских погребальных обычаев. И это не удивительно, учитывая тот факт, что в селькупской мифологии бытует предание, повествующее о строительстве селькупам лестницы в небо, сильно напоминающее библейскую историю о строительстве знаменитой Вавилонской башни.

Благодарности и финансирование

Глубоко признателен доктору исторических наук А. И. Соловьеву, предоставившему уникальные материалы по теме настоящего исследования.

Acknowledgements and funding

I am deeply grateful to Dr. A. I. Solovyov, who provided unique materials on the topic of this study.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Авеста в русских переводах (1861–1996). СПб. : Летний сад, 1998. 480 с.
- Арсланова Ф.Х. Длинные курганы Приртышья // Источники по истории Западной Сибири. Омск : Изд-во Омск ун-та, 1987. С. 50–69.
- Батоева Д.Б., Галданова Г.Р., Николаева Д.А., Скрынникова Т.Д. Обряды в традиционной культуре бурят. М. : Наука, 2002. 222 с.
- Бауло А.В. Типы надмогильных сооружений у тазовских селькупов // Этнография Северной Азии. Новосибирск : Наука, 1980. С. 185–190.
- Боброва А.И. Кремация в погребальной обрядности средневекового населения Томско-Нарымского Приобья и Причулымья // Вопросы этнокультурной истории народов Западной Сибири. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1992. С. 46–56.
- Боброва А.И. Погребальный обряд населения Нарымского Приобья в XIV–XVIII вв. // Обряды народов Западной Сибири. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1990. С. 59–86.
- Боброва А.И. Тискинский комплекс археологических памятников // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2001. С. 161–163.
- Боброва А.И., Максимова И.Е., Торощина Н.В. Погребение с шаманским комплексом вещей на р. Тым // Труды МАЭС ТГУ. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2002. Т. 1. С. 106–139.
- Бояршинова З.Я. Погребальный ритуал в басандайских курганах // Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Тр. ТГУ и ТГПИ. 1948. Т. 98. С. 149–165.
- Горбунов В.В. Ритуальные захоронения животных кулайской культуры // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 156–166.
- Дульзон А.П. Остяцкие могильники XVI и XVII веков у села Молчанова на Оби // Ученые записки. Т. XIII. Томск : Томск. типогр. № 1 Полиграфиздата, 1955. С. 97–154.
- Дульзон А.П. Остяцкий курганный могильник XVII века у села Молчаново на Оби // Ученые записки ТГПИ. Т. XVI. Томск : Томск типогр. № 1 Полиграфиздата, 1957. С. 443–488.
- Дьяконов М.М. Древняя Бактрия // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М. : Гос. изд-во культпросвет лит-ры, 1954. С. 305–334.
- Завитухина М.П. Раннетагарский могильник Барсучиха V // Труды ГЭ. М. : Искусство, 1979. С. 68–86.
- Зайцева О.В., Ожередов Ю.И. К вопросу о нарушении анатомической целостности тела при погребении у южных селькупов // Социогенез в Северной Азии. Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 2005. С. 361–366.
- Каннисто А. Материалы к мифологии вогулов / Гос. публичная науч.-техн. б-ка СО АН СССР. Новосибирск, 1988. 310 с.
- Кардаш О.В., Визгалов Г.П., Кениг А.В. Монкысь Урий — городок XVI–XVII веков на реке Большой Юган (краткие результаты комплексного археологического исследования) // Археология Севера. Новые открытия. Вып. I. Нефтеюганск : Институт археологии Севера, 2018. 158 с.
- Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1994. Т. I. 152 с.

Лукина Н. В. Средства передвижения нарымских селькупов // Ученые записки ТГУ. 1966. № 60. С. 108–119.

Матющенко В. И., Синицина Г. В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1988. 136 с.

Молодин В. И., Мыльникова Л. Н. Исследование памятника Кыштовка 1 // Источники по археологии Северной Азии. Новосибирск : Наука. 1980. С. 179–180.

Ожередов Ю. И. Барклай, курганный могильник // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья. Материалы к энциклопедии Томской области. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2001а. С. 26–28.

Ожередов Ю. И. Использование огня в погребальном и поминальном обрядах по материалам курганной группы Барклай // Вопросы этнокультурной истории народов Западной Сибири. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1992. С. 35–45.

Ожередов Ю. И. Камень в погребальном обряде селькупов // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2003. С. 218–224

Ожередов Ю. И. Кости животных в погребально-поминальной прагматике и символике палеоселькупов Нарымского Приобья «шиешгула» // Вестник ТГУ. История. 2009. № 1 (5). С. 58–65.

Ожередов Ю. И. Кустовский комплекс археологических памятников // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья. Материалы к энциклопедии Томской области. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2001б. С. 84–86.

Ожередов Ю. И. Локально-диалектная группа «шиешгула»: идейный контекст археологических источников (XVI–XVII вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006. 22 с.

Ожередов Ю. И. Погребальные сооружения селькупов XIV — сер. XIX в. из курганной группы Барклай // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 89–92.

Ожередов Ю. И. Репрезентативные элементы погребального комплекса локальной группы южных палеоселькупов шиешгула // Вестник ТГУ. 2023а. № 497. С. 125–133.

Ожередов Ю. И. Захоронения в лодках у палеоселькупов // Теория и практика археологических исследований. 2023б. Т. 35, № 4. С. 83–112.

Ожередов Ю. И. Ритуальное втыкание оружия у селькупов и древние традиции народов Евразии // Вестник ТГУ. История. 2016. № 5 (43). С. 133–137.

Ожередов Ю. И. Ритуальное дерево в погребальном обряде палеоселькупов Приобья (по материалам археологии) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле — Белокурихе. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. II. С. 212–216.

Ожередов Ю. И. Сакральные стрелы южных селькупов // Приобье глазами археологов и этнографов. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1999. С. 77–119.

Пандей Р. Б. Древнеиндийские домашние обряды (обычай). М. : Высшая школа, 1990. 319 с.

Пелих Г. И. Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. Новосибирск : Наука, 1980. С. 5–70.

Пелих Г. И. Происхождение и история селькупов : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1972а. 38 с.

- Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1972б. 424 с.
- Пелих Г. И. Селькупы XVII века. Новосибирск : Наука, 1981. 178 с.
- Полеводов А. В., Корусенко М. А. Обряд «обола Харона» по материалам поздних могильников юга Западной Сибири // Сборник МАЭС. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2008. С. 164–170.
- Прокофьева Е. Д. Некоторые религиозные культы тазовских селькупов // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.) // Сборник МАЭ. Т. 33. Л., 1977. С. 66–79.
- Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. М. : Наука, 1989. 749 с.
- Селькупская мифология / сост. Г. И. Пелих. Томск: Изд-во НТЛ, 1998. 80 с.
- Смирнов Ю. А. Лабиринт: морфология преднамеренного погребения. М. : Вост. лит-ра, 1997. 279 с.
- Соловьев А. И. Некоторые аспекты использования лошади в погребальной практике эпохи средневековья по археологическим данным // Сибирские татары. Омск : Изд-во ОмГПУ, 1998. С. 57–58.
- Степанова О. Б. Традиционные наземные погребальные сооружения северных селькупов // ЭО. 2015. С. 151–168.
- Ураев Р. А. Материалы к шаманизму тымских селькупов (по данным экспедиции 1956 года) // Тр. ТОКМ. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1994. С. 73–85.
- Худяков Ю. С. Раскопки чаа-тас Тепсей XI в 1977 году // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1984. С. 46–57.
- Чернецов В. Н. Представления о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований М. : Изд-во АН СССР, 1959. С. 114–156.
- Чиндина Л. А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1977. 192.
- Чиндина Л. А. О погребальном обряде поздних могильников Нарымского Приобья // Из истории Сибири. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1975. Вып. 16. С. 61–93.
- Яданова К. В. «Встреча охотника с духами-хозяевами / алмысом». Опыт указателя сюжетов и версий по материалам алтайской фольклорной традиции // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2009. Вып. 1–2. С. 174–185.
- Яковлев Я. А. Алдыган, комплекс археологических памятников // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья: материалы к энциклопедии Томской области. Томск, 2001. С. 7–10.
- Muller F. M. (ed.) The Satapatha-Brâhmana. Part I: According to the text of the Mâdhyandina schoo. New York: Scribner's. 1900. 456 p.

REFERENCES

- Arslanova F. Kh. Dlinnie kurganyi Priirtishiya [Long mounds of Priirtyshya]. *Istochniki po istorii Zapadnoi Sibiri* [Sources on the history of Western Siberia (history and archeology)]. Omsk: Publishing House Omsk University, 1987. P. 50–69 (in Russian).
- Avesta v russkikh perevodakh* [Avesta in Russian translations (1861–1996)]. St. Petersburg: Neva Magazine, Summer Garden, 1998. 480 p. (in Russian).

Batoeva D. B., Galdanove G. R., Nikolaeva D. A., Skrynnikova T. D. *Obryady v tradicionnoy kul'ture buryat* [Rituals in traditional culture of Buryats]. Moscow: Nauka, 2002. 222 p. (in Russian).

Baulo A. V. Tipy nadmogil'nykh sooruzhenij u tazovskikh selkupov [Types of surface constructions of Taz Selkups burials]. *Etnografiya Severnoj Azii* [North Asia Ethnography]. Novosibirsk: Nauka, 1980. P. 185–190 (in Russian).

Bobrova A. I. Kremaciya v pogrebal'noj obryadnosti srednevekovogo naseleniya Tomsko-Narymskogo Priob'ya i Prichuly'm'ya [Cremation in burial rituals of Middle Age population in Tomsk-Narym area near Ob' river and Chulim river]. *Voprosy etnokul'turnoj istorii narodov Zapadnoj Sibiri* [Ethnocultural history of West Siberia population]. Tomsk. Publishing House Tom. University, 1992. P. 46–56 (in Russian).

Bobrova A. I. Pogrebal'nyy obryad naseleniya Narimskogo Priobiya v XIV–XVIII vv. [Funeral rite of the population of the Narymsky Priob in the XIV–XVIII centuries] *Obryady narodov zapadnoy Sibiri* [Rites of the peoples of Western Siberia]. Tomsk: Publishing House Tom. University, 1990. P. 59–86 (in Russian).

Bobrova A. I. Tiskinskiy kompleks arheologicheskikh pamyatnikov [Tiskinsky complex of archaeological sites]. *Narody i kultury Tomsko-Narimskogo Priobiya* [Peoples and cultures of the Tomsk-Narym region]. Tomsk: Publishing House Tom. University, 2001. P. 161–163 (in Russian).

Bobrova A. I., Maksimova I. E., Toroshchina N. V. Pogrebenie s schamanskim kompleksom [Burial with a shamanic complex of things on the river. Tym]. *Trudy MAES TGU* [Proceedings of the Museum of Archeology and Ethnography of Siberia named after V. M. Florinsky. Tomsk, Publishing House Tom. University, 2002, vol. 1. P. 106–139 (in Russian).

Boyarshinova Z. Ya. Funeral ritual in Basandai mounds // *Basandayka. Collection of materials and research on archeology of the Tomsk region*. Tr. TGE (vol. 98) and TGPI. Tomsk, 1948. P. 149–165 (in Russian).

Chernetsov V. N. Predstavleniya o dushe u obskikh ugrov. [Ideas about the soul of the Ob Ugric peoples]. *Issledovaniya i materialy po voprosam pervobytnykh religioznykh verovanii* [Research and materials on primitive religious beliefs]. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1959. P. 114–156 (in Russian).

Chindina L. A. *Mogil'nik Reka na Sredney Obi* [Ryolka burial ground on Middle Ob]. Tomsk. Publishing House Tom. University, 1977. 192 p. (in Russian).

Chindina L. A. O pogrebal'nom obryade pozdnykh mogil'nikov [On the funeral rite of the late burial grounds of the Narymsky Priob'e]. *Iz istorii Sibiri* [From the history of Siberia]. Tomsk: Publishing House Tom. University, 1975, no. 16. P. 61–93 (in Russian).

Dul'zon A. P. Ostyatskie mogil'niki XVI–XVII vekov u s. Molchanova na Obi [Ostyak XVI and XVII centuries burials near the village Molchanov on the river Ob]. *Uchenye zapiski TGPI*, [Scientific notes of Tomsk State Pedagogical Institute] vol. 13, Tomsk: Tipografiya no. 1 Poligrafizdata, 1955. P. 97–154 (in Russian).

Dulzon A. P. Ostyatskiy kurganniy mogil'nik XVII veka u sela Molchanovo na Obi [Ostyaks burial site of 17th century near Molchanovo village at Ob' river]. *Uchenie zapiski TGPI* [Scientific notes of Tomsk State Pedagogical Institute]. Tomsk, 1957. v. 16. P. 443–488 (in Russian).

Dyakonov M. M. Drevnyaya Baktriya [Ancient Bactria]. *Po sledam drevnih kultur. Ot Volgi do Tihogo okeana*. [In the footsteps of ancient cultures. From the Volga to the Pacific Ocean]. Moscow: State. Publishing House of Cultural Enlightenment, litra, 1954. P. 305–334 (in Russian).

Gorbunov V. V. Ritualnie zahoroneniya zhivotnih kulayskoy kultury [Ritual burials of animals in Kulay culture]. *Pogrebalny obryad drevnih plemen Altaya* [Burial rites of the ancient Altay tribes]. Barnaul: ASU. P. 156–166 (in Russian).

Kannisto A. *Materialy k mifologii vogulov* [Research materials on the Voguls]. Novosibirsk: GPB SO RAN, 1988. 310 p. (in Russian).

Kardash O. V., Vizgalov G. P., Koenig A. V. Monkys Uriy — gorodok XVI–XVII na reke Bolschoy Yugan (kratie rezultaty kompleksnogo archeologicheskogo issledovaniya). [Monkys Uriy — a town of the XVI–XVII centuries on the Bolshoi Yugan River (brief results of a comprehensive archaeological study)]. *Vestnik: Archeologiya Severa. Novyye otkrytiya* [Bulletin: “Archeology of the North. New discoveries.”] Nefteyugansk: Publishing house ANO “Institute of Archeology of the North.” 2018. no. 1. 158 p. (in Russian).

Karjalainen K. F. *Religiya ugorskih narodov* [Religion of the Ugra peoples]. Tomsk: Publishing House TSU, 1994, vol. 1, 152 p. (in Russian).

Khudyakov Y. S. Raskopki chaa-tas Tepsey XI v 1977 godu [Excavations of chaa-tas Tepsey XI in 1977]. *Zapadnaya Sibir v epohu sredneveroviya* [Western Siberia in the Middle Ages]. Tomsk: Publishing House Tom. University, 1984. P. 46–57 (in Russian).

Lukina N. V. Sredstva peredvizheniya narymskih sel'tkupov [Vehicles of Narymsky Selkups]. *Uch. zap. TSU*. Tomsk: Publishing House Tom. University, 1966, no. 60. P. 108–118 (in Russian).

Matyuschenko V. I., Sinicina G. V. *Mogilnik u d. Rostovka vblizi Omska* [Burial site near the village Rostovka that is close to Omsk]. Tomsk: TSU. 1988, 136 p. (in Russian).

Molodin V. I., Mylnikova L. N. Issledovanie pamyatnika Kyshtovka 1 [Research of the monument Kyshtovka 1]. *Istochniki po archeologii Severnoi Azii*. [Sources on archeology of North Asia]. Novosibirsk: Nauka, 1980, p. 179–18065 (in Russian).

Ozheredov Yu. I. Barklai, kurganny mogil'nik. Materialy k enciklohedii Tomskoy oblasti [Barclay, burial mound]. *Narody i kultury Tomsko-Narimskogo priobiya* [Peoples and cultures of the Tomsk-Narymsky Priobye. Materials for the encyclopedia of the Tomsk region]. Tomsk: Publishing House Tom. unt, 2001a. P. 26–28 (in Russian).

Ozheredov Yu. I. Ispolzovanie ognya v pogrebal'nom i pominal'nom obryadah ppo materialam kurgannoj grupy Barklaj [Applying fire for burial and memorial ceremonies: based on the materials from Barklaj burial site]. *Voprosi etnokul'turnoj istorii narodov Zapadnoi Sibiri* [Studies of ethnocultural history of West Siberia population]. Tomsk: Publishing House Tom. University. 1992. P. 35–45 (in Russian).

Ozheredov Yu. I. Kamen' v pogrebal'nom obryade sel'kupov [Rocks in burial ceremonies of Selkups]. *Integraciya archeologicheskikh i etnograficheskikh issledovanij* [Integration of archaeological and ethnographic research] Omsk, 2003. P. 218–224 (in Russian).

Ozheredov Yu. I. Kosti zhivotnih v pominal'no-pogrebal'noi progmatike i simvolike paleoselkupov “shieshgula” [Animal bones in funeral and memorial pragmatics and symbols of paleoselkups of the Narymsky Priobye “shieshgula”]. *Vestnik TGU. Istoriya* [Bulletin of TGU. History]. 2009, no. 1 (5). P. 58–65 (in Russian).

Ozheredov Yu. I. Kustovskiy kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov [Kustovsky complex of archaeological monuments]. *Narody i kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ya. Materialy k entsiklopedii Tomskoy oblasti* [Peoples and Cultures of the Tomsk-Narym Ob Region. Materials for the encyclopedia of Tomsk Oblast]. Tomsk: Tomsk State University, 2001. P. 84–86 (in Russian).

Ozheredov Yu. I. Local'no-dialektnaya gruppa “shieshgula”: idejniy kontekst arheologicheskikh istochnikov (XVI–XVII vv.). Avtoref. Diss. Kand. Ist. nauk [Local-dialect group “Shieshgula”: ideological context of archaeological resources. Ph. D. Thesis in History]. Barnaul, 2006. 22 p. (in Russian).

Ozheredov Yu. I. Pogrebal'nie sooruzheniya sel'kupov XIV-ser. XIX v. iz kurgannoj gruppy Barklaj [Burial constructions of Selkups in 17th–19th centuries from Barklaj burial site]. *Kul'turnogeneticheskie protsessy v Zapadnoi Sibiri* [Cultural and genetical processes in West Siberia]. Tomsk: Publishing House Tom. University, 1993. P. 89–92 (in Russian).

Ozheredov Yu. I. Reprezentativnie elementi pogrebal'nogo kompleksa lokalnoi gruppi yunih paleoselkupov shieshgula [Representative elements of the burial complex of the local group of southern paleoselkups of the Shieshgul]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo Universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2023a, no. 497. P. 125–133 (in Russian).

Ozheredov Yu. I. Ritual'noe derevo v pogr'tbal'nom obryade paleoselkupov Priob'ya [Ritual tree in the funeral rite of paleoselkupov Priobye (based on materials of archeology)]. *Trudy 5 V (XXI) Vserossiiskogo arheologicheskogo s'ezda v Barnaule* [Proceedings of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul — Belokurikha. Barnaul]. Publishing House Alt. University, 2017, vol. II. P. 212–216 (in Russian).

Ozheredov Yu. I. Ritual'noe vtykanie oruzhiya u sel'kupov I drevnie tradicii narodov Evrazii [Ritual sticking of weapons among the Selkups and the ancient traditions of the peoples of Eurasia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo Universiteta. Isroriya*. [Bulletin of Tomsk State University. History]. 2016, no. 5 (43). P. 133–137 (in Russian).

Ozheredov Yu. I. Sakralnie strely selkupov [Sacral arrows of the Selkups]. *Priobye glazami arheologov i etnografov* [The Ob River Basin from archaeological and ethnographic perspective]. Tomsk: TSU, 1999. P. 77–119 (in Russian).

Ozheredov Yu. I. Zakhoroneniya v lodkakh u paleosel'kupov [Burials in boats among the Paleo-selkups]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, 2023, no. 4 (35). P. 83–112 (in Russian).

Pandey R. B. *Drevneindiskie dovaschnie obryady (obychai)*. [Ancient Indian domestic rites (customs)]. Moscow: Higher School, 1990. 319 p. (in Russian).

Pelikh G. I. *Proishozhdenie i istoriya selkupov. Diss. Avtoref. Kand. Ist. Nauk*. [Origins and history of Selkups. Ph. D. Thesis in history]. Tomsk, 1972 a, 38 p. (in Russian).

Pelikh G. I. Materialy po sel'kupskomu schavanstvu [Materials on Selkup shamanism]. *Etnografiya Sevetnoi Azii* [Ethnography of North Asia]. Novosibirsk: Science, 1980. P. 5–70 (in Russian).

Pelikh G. I. *Proiskhozhdenie sel'kupov* [Origin of Selkups]. Tomsk. Publishing House Tom. un-ta, 1972b. 424 p. (in Russian).

Pelikh G. I. *Sel'kupy XVII veka: (Ocherki sotsial'no-ehkonomicheskoy istorii) XVII century* [Selkups: (Essays on the social and economic history)], Novosibirsk: Nauka, 1981, 176 p. (in Russian).

Polevodov A. V., Korusenko M. A. Obryad “Obola Harona” po materialam pozdних mogil'nikov Zapadnoi Sibiri [The rite of “obol Charon” based on materials from late burial grounds in the south of Western Siberia]. *Sbornik MAES* [Collection of MAES]. Tomsk: Publishing House Tom. university, 2008. P. 164–170 (in Russian).

Prokofieva E. D. Nekotorye religioznie kul'ty tazovskih se'kupov I [Some religious cults of the Taz Selkups]. *SAME* [SAME]. L., 1977, vol. 33. P. 66–79 (in Russian).

Radlov V. V. *Iz Sibiri* [From Siberia]. Moscow: Nauka, 1989, 749 p. (in Russian).

“The Red Trinity.” *Electronic resource*: URL: <http://historicaldis.ru/blog/43634583181/%C2%ABKrasnaya-troitsa> (Accessed September 15, 2024).

Sel'kupskaya mifologiya [Selkup mythology]. Tomsk: NTL Publishing House, 1998. 80 p. (in Russian).

Smirnov J. A. Labirint: *Morfologiya prednamerennogo pogrebeniya* [Labyrinth: Morphology of intentional burying]. Moscow, 1997. 279 p. (in Russian).

Soloviev A. I. [Some aspects of the use of a horse in the burial practice of the Middle Ages according to archaeological data]. *Sibirskie tatary* [Siberian Tatars]. Omsk: Publishing house OmGPU, 1998. P. 57–58 (in Russian).

Stepanova O. B. Tradicionnye nazemniy pogrebal'nye sooruzheniya severnyh selkupov [Traditional ground burial structures of the northern Selkups]. *EO* [EO], 2015. P. 151–168 (in Russian).

Uraev R. A. *Mqaterialy r schamanizmu tymskih selrupov (po dannym ekspedicii 1956 goda)* [Materials for the shamanism of the Tym Selkups (according to the 1956 expedition)]. *Tr. TOKM* [Tr. TOKM]. Tomsk: Publishing House Tom. un-ta, 1994, P. 73–85 (in Russian).

Yadanova K. V. “Vstrecha ohotnika s duhami-hozyaevami/almysom” [“Meeting of a hunter with master spirits/almys”. *Opyt ukazatelya syuzhetov i versiy po materialam altayskoy folklornoy tradicii* [Pointer experience plots and versions based on materials from the Altai folklore tradition]. *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii* [Antiquities of Siberia and Central Asia]. Gorno-Altaysk. 2009, no. 1–2. P. 174–185 (in Russian).

Yakovlev Y. A. Aldygan, kompleks arkheologicheskikh pamiatnikov [Aldygan, complex of archaeological sites]. *Narody i kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ia: Materialy k entsiklopedii Tomskoi oblasti* [Peoples and cultures Tomsk-Narymsky Priobye: Materials for the encyclopedia of the Tomsk region]. Tomsk: Publishing House Tom. University, 2001. P. 7–10 (in Russian).

Zajceva O. V., Ozheredov J. I. K voprosu o narushenii anatomicheskoy celostnosti tela pri pogrebenii u juzhnyh sel'kupov [Study of broken anatomical integrity at burials of Southern Selkups]. *Sociogenez v Severnoj Azii* [Sociogenesis of North Asia]. Irkutsk, 2005. P. 361–366 (in Russian).

Zavitukhina M. P. Rannetagarskiy mogilnik Barsuchiha V [Rannetagarsky burial ground Barsuchikha V]. *Trudi Ermitazha* [Proceedings of the SE]. Moscow: Art, 1979. P. 68–86 (in Russian).

Muller F. M. (ed.) *The Satapatha-Brâhmana*. Part I: According to the text of the Mâdhyandina schoo. New York: Scribner's, 1900. 456 p. (in English).

Статья поступила в редакцию: 26.09.2024

Принята к публикации: 25.11.2024

Дата публикации: 24.12.2024